

Любовь ПРИБЫТКОВА.

ПОЧЕМУ Я УБЕЖАЛА ИЗ ПАРИЖА?

Летом подруга пригласила меня в гости, и я оправилась в Париж. Хотя я и была в этом прекрасном городе неоднократно, но это было так давно. Последний раз двадцать лет назад мне посчастливилось гулять по Елисейским полям, бродить по тихим парижским улочкам, разглядывать изумительные витражи Собора Парижской Богоматери, надолго останавливаться в Лувре возле бессмертной Моны Лизы Леонардо да Винчи, зачарованно наблюдать за работой французских художников на излюбленной ими площадке Монмартра, с высоты Эйфелевой башни восторгаться завораживающей панорамой города... И потому я снова собиралась в путь в приподнятом настроении. Париж есть Париж!

Добралась до Парижа не без проблем. В Шереметьево рейс из Копенгагена задержался, потом, естественно, была задержка нашего рейса “по техническим причинам”. Томительные часы ожидания в аэропорту имеют, слава богу, и некоторые приятные стороны, например, неожиданно обретаешь новых знакомых, которые, иногда становятся друзьями на долгие годы. Так и случилось. Благодаря только что закончившей институт Танечке, которая буквально горела нетерпением увидеть своего французского друга, нам удалось поменять билеты на прямой рейс до Парижа и немедленно вылететь. Но самолет этого рейса сделал посадку в аэропорту Шарль де Голль 1, тогда как подруга меня встречала из Копенгагена в аэропорту Шарль де Голль 2. Мне бы опять пришлось несладко с моим аховским знанием иностранного языка, если бы не Танечка, счастливая от встречи с возлюбленным. Через четверть часа мы с подругой были в объятиях друг друга.

А через час я была уже в Монруже, где в красивой и уютной квартирке нас с радостью встретил за праздничным столом муж моей подруги коренной парижанин Жан Клод, с которым, как мне казалось, у нас установились с тех далеких лет, очень теплые отношения. Правда и я встречала их с искренней радостью, когда они приезжали ко мне посмотреть наши сибирские достопримечательности – Байкал, кедровые реликтовые рощи и памятники старины Иркутска.

Но, как сказал древнегреческий философ Гераклит – все течет, все изменяется. И люди – не исключение. В этот приезд по дороге из аэропорта, восторгаясь вечерним Парижем, я имела неосторожность произнести: “Я ведь собиралась в Тегеран, а прилетела в Париж...” Эти слова подруга пересказала мужу за гостеприимным столом, и ... теплоты и сердечности в отношениях, как не бывало.

Перед поездкой в Париж я дала себе слово не заводить во Франции разговоров на политические темы. Если у себя дома я не могу похвастаться, что большинство знакомых разделяют мои взгляды на происходящее в стране и мире, то устраивать диспуты по большим проблемам современности за рубежом, тем более в буржуазной Франции, не имело смысла.

Вот два года назад, я побывала на Международной конференции с российской парламентской делегацией в Социалистической Народной Арабской Ливийской Джамахирии. Мне посчастливилось послушать выступление лидера Ливийской Революции Муаммара Каддафи и лекции в Академии Джамахирийской мысли. Там все было по-другому, друзьям можно было свободно задавать вопросы, спорить, размышлять.

В Париже – не то. Я понимала, ехать со своим уставом в чужой монастырь – не дело, потому дома и приняла решение – о политике - ни-ни. Но как говорят, человек предполагает, а бог располагает. Мне-то уж надо бы знать, что и где можно говорить, перед кем и когда. Видимо, отсутствие в моем характере черт, присущих разведчикам, особенности женской психологии, личностная избыточная эмоциональность, состояние эйфории от встречи с Парижем сделали свое дело.

На вопрос Жана Клода, почему же я собиралась поехать в Иран, мне бы в шуточной форме сослаться на привлекательность личности Ахмадинежада, президента Исламской Республики Иран. Но я стала с жаром “читать лекцию” своим французским “друзьям” о США, политика которых вызывает ненависть к ее правителям у народов всего мира, об антиимпериалистической борьбе Ирана, Ливии, Кубы и Северной Кореи против агрессивной политики “антитеррористической” коалиции, куда входит и Франция. Видимо, после любимого французами Бордо русской женщине трудно было остановиться...

А для хозяина приютившего меня дома Соединенные Штаты – это знаменосец демократии и цивилизации, разносчик по планете мира и порядка. И, когда, не сдержавшись, в пылу презрения к американцам, этой зажавшейся нации, я сказала, что 11 сентября 2001 года стало началом возмездия за все страдания, которые американцы принесли человечеству, Жан Клод между прочим спокойно так подбросил: “И Израилю надо бы такое возмездие?” Я проглотила наживку и ответила: “А оккупанту Израилю - в первую очередь”. За живое был задет не приветливый и добрый еврей Жан Клод, а сионист Жан Клод, для которого всегда устами Голды Меир, Ариэля Шарона, Эхуда Ольмерта глаголила истина. Спорить он не стал, но за одним столом мы больше не сидели. “Мой муж, - сказала Людмила, - обид не прощает”.

Через пару дней подруга, по моей просьбе, повезла меня на русское кладбище Сен Женеьев де Буа в шестидесяти километрах от Парижа. Оно привлекает туристов из нашей страны, так как на нем похоронены известные русские писатели Иван Бунин и Алексей Ремизов, художники Коровин и Маковский. Антисоветчики Виктор Некрасов и поэт Галич – тоже здесь. Здесь же могилы многих российских дворян Гагариных и Галициных, Воронцовых и Толстых, бежавших из России, не смирившихся с властью народа, установившейся в России после 1917г. Лежит в этой земле прах генералов и адмиралов, ротмистров и поручиков Белой армии, атаманов и есаулов казачьего войска. Привлекает внимание и монументальный памятник генералам Деникину и Врангелю, адмиралу Колчаку и Корнилову, поставленный взамен разрушенному землетрясением в Галиполи. Блещут ослепительной белизной

мемориальные комплексы генералам Дроздовскому и дроздовцам, Маркову и марковцам.

У мраморного надгробия генералу Алексееву случайно встреченная русско-французская поэтесса, дипломантка “Литературной газеты”, живописала трем слушателям из России о трагической судьбе несчастного генерала. Повела им, как в гражданскую войну зверствовали красноармейцы, никого не щадили “кровожадные” большевики, рубили, резали, вешали.... Она водила от могилы к могиле эту маленькую группку, буквально исходила ненавистью к “красной голытьбе”, видимо унаследованной от предков. Слушать этот бред сил не было. Пришлось отказаться от ее услуг гида, не будешь ведь устраивать диспут на кладбище, не то место, чтобы выяснять отношения. Но зато настоящие баталии уже развернулись по возвращении...

На меня посыпался град упреков и нравоучений, как можно быть такой непримиримой и не толерантной, как можно злорадствовать у могильных камней, смерть должна примирять всех, белых и красных, все там будем, а потому - “Давайте, ребята, жить дружно?!” Подруга недоумевала и возмущалась “Тебе-то какое дело до белых генералов? Расстреливали? Так и большевики это делали...Твоя грубость недопустима в цивилизованном обществе – “догнивают во французской земле останки белогвардейской сволочи”, “трудовой народ всегда будет вспоминать палачей с проклятием” и т.д.”

Оказалось, мы и с подругой стоим по разные стороны баррикад. Хотя, ее позиция меня не очень-то и удивила. Наблюдение за жизнью общества давно привело меня к выводу, что интеллигенция – не лучшая его часть. Именно она, в большей мере, носитель человеческих пороков – приспособленчества, карьеризма, лицемерия, холуйства, двуличия, трусости. Произошедшая в СССР контрреволюция подтвердила это. Она потрясла не только разрушением когда-то могучей экономики, но, пожалуй, главным образом, нравственным падением интеллигенции, “цвета нации”.

Конечно, идеального общества никогда не было, и быть не может в принципе. Но то, что случилось у нас, дает основание поспорить с великим Гойя. Да, сон разума рождает чудовищ. Но страшнее, когда при бодрствующем разуме толпы писателей и артистов, философов и юристов, экономистов и журналистов и прочих интеллектуалов добровольно превращаются в нравственных уродов. Понимают, что делают, но в подобострастном рвении стоят перед властимушцами на полусогнутых и льстиво заглядывают им в рот. Мерзкое зрелище.

Если смотреть вокруг повнимательней, от тебя не укроется, что на панели в России стоят не только девочки, торгующие своим телом. При 15 миллионах безработных в стране, дорогостоящем образовании, тяжелых жизненных условиях большинства народа их ремесло – закономерно. А вот закономерна ли социальная и политическая проституция? Девчонки торгуют телом, а интеллигенты – душу продают за деньги. Этическая задачка для думающих – кто ниже упал?

Так вот, возвращаясь к нашим баранам, то есть к гниющему на чужбине белому офицерью... Известный в Иркутске историк Н.Н. Щербаков перед

установкой памятника А.В. Колчаку сказал в газете “Родная Земля”: “У Александра Васильевича (так уважительно назвал он Колчака) руки были по локоть в крови не меньше, чем у его врагов большевиков”. Так и во время Великой отечественной войны сотни тысяч фашистов были убиты Советской Армией. Может быть, господин историк и о моем отце, офицере советской Армии, скажет через пару лет, когда власть перестанет благосклонно относиться к фронтовикам, как это случилось в Прибалтике и Восточной Европе, что у него руки были по локоть в крови. Вот потому и лежит страница газеты с этой статьей историка у меня в папке “Подонки”.

А как же иначе сказать? При чем здесь грубость? Разве историки не знают, чьи интересы защищал правитель омский Колчак? Если палача Колчака, залившего Сибирь кровью рабочих и крестьян, называть патриотом, может быть и памятник Гитлеру на нашей земле можно одобрить?

В газете “Байкальские вести” журналист Юрий Пронин размечтался о том, чтобы “стереть линию фронта в наших сердцах”. “И красные и белые были, прежде всего, гражданами одной страны”, - пишет он, - и, наверное, каждый из них, хотя и по-своему, любил Россию”. Очень трогательно. Хотела бы я знать, распространит ли он свою “философию” на бандита, гражданина России, раздевшего и ограбившего его жену в темном переулке...

Холуйствующая интеллигенция, чтобы имущим спокойную жизнь создать и себе обеспечить бесперебойные подачки с хозяйского стола, готова без устали призывать к миру и согласию бедных с богатыми, голодных с сытыми, угнетенных с угнетателями. Нищие и обездоленные должны быть уже счастливы мелочью, брошенную им в протянутую ладонь. Прессе удалось оболванить большую часть обывателей. Российские пенсионеры, например, после сторублевой прибавки к пенсии, слезно благодарят президента-благодетеля и готовы посадить его в президентское кресло на третий-четвертый срок. Только бы не было войны...

Моя подруга все уши мне прожужжала, что надо культивировать в людях толерантность (с латинского – терпимость), чтобы ушла из жизни общества агрессия, чтобы люди жили в мире и согласии. Должна быть терпимость к разным взглядам, нормам поведения, привычкам. “Учителя нашего “Белого братства” (Люда является его членом) считают это качество – высшим нравственным императивом”, - сказала она. Слушала я ее внимательно, книги учителей Дымова и ОШО полистала. Слова красивые, правильные, знакомые. Это же проповедуют сутками и официальные российские СМИ. Даже праздник назначили на 4 ноября – День согласия и примирения.

Но вот, что интересно. И миролюбцы из “Белого братства”, и российская власть, и самые главные на планете “миротворцы” американцы так похожи. Янки несут народам планеты только страдания, кровь и смерть, а люди должны взирать на этих террористов покорно и терпимо. Буржуазная власть в России скоро большую часть населения пустит по миру, а народ должен смириться. Разве это не игра в одни ворота?

Подруга моя неприязненно говорила об арабах, африканцах которые “понаехали” во Францию, живут, но работать не хотят, ленивы. Нарожают детей,

требуют льгот, грубы и агрессивны. Я спросила, знает ли она, что в мире из 6,8 миллиардов населения 1 млрд. живет за чертой бедности, 2 млрд. плохо питаются или голодают, около 20 млн. ежегодно умирают от голода. Задавала ли она себе вопрос, почему африканцы едут к ним, чем их встречает “демократическая” и “цивилизованная” Европа, сбываются ли социальные ожидания мигрантов?

Нет. Моей бывшей подруге, обуржуазившейся русской француженке, нет времени “разбираться с арабами”. Конечно, проще повторять за буржуазной прессой ложь об иммигрантах, которые, якобы, главная причина всех бед в стране. “Они к нам приехали. Они должны соблюдать наши законы, подчиняться нашим правилам”. Вот так и честнее было бы говорить, что арабы должны быть толерантны (терпимы) к власти, ко всем порокам западного буржуазного общества - дискриминации, которая стала нормой в Европе по отношению к ним, до сих пор сохраняющемуся расизму, любой несправедливости. А власти совсем не обязательно быть толерантной. В той же Франции Николя Саркози, будучи еще Министром Внутренних дел, жестко расправился с волнениями в неблагополучных предместьях Парижа. Разве он вник в проблемы людей, призвал правительство разрешить их требования? Нет.

То же самое в России. Буржуазия в результате контрреволюции захватила в свои руки все национальные богатства страны, в том числе средства массовой информации. По радио и телевидению - сутками ложь о Великой Октябрьской социалистической революции, нашем советском прошлом, клевета о лучших людях советского государства – большевиках. На телевизионных экранах – фильмы о Великой отечественной войне, в которых есть правдоподобие, но нет правды о войне. Власть убирает с улиц памятники вождям рабочего класса, продажная интеллигенция палачей теперь называет патриотами, пытается вытравить из памяти людей имена народных героев, официальные СМИ сутками оплеывают наши святыни. А мы к ним, нашим классовым врагам, должны быть толерантны? Разве не должны мы бороться с ними не на жизнь, а на смерть?!

Буржуазия бросила на обочину жизни 80% населения страны, по подвалам, закутавшиеся в лохмотья, прячутся миллионы бомжей, миллионы переполняют тюремные камеры, по базарам шныряют миллионы беспризорных ребятишек, разутых, раздетых и голодных. “Миллионы” – это не плод авторской фантазии, это реальность. На каждом углу сидят нищие с протянутой рукой, а мы, что ж? Терпеливы и спокойны - до неприличия, особенно рабочий класс. Пора уж Путину учредить медаль и вручить ее рабочему классу за толерантность.

Но не так уж президент глуп и не так глупо его окружение, чтобы принимать собственные речи о единстве и стабильности в обществе за действительность. В мире неравенства и несправедливости согласия между сытыми и голодными быть не может. Между угнетателями и угнетенными затишье может быть, да и то, лишь перед бурей.

Меня радовало, что буржуазными призывами к единству и толерантности не удалось одурачить весь народ Франции. То в одной части Парижа, то в другой я видела скопления людей с плакатами и транспарантами, они призывали, требовали, настаивали... Да, история Франции всегда была историей борьбы, не похоже, чтобы сейчас что-то изменилось.

2 июня я присутствовала на торжествах по случаю 136 годовщины Парижской Коммуны. На кладбище Пер Лашез у знаменитой Стены Парижских Коммунаров собралось около тысячи французских коммунистов отдать дань тем, кто в 1871 году сделал первую попытку совершить пролетарскую революцию, кто сражался у этой стены до последней капли крови. Я была счастлива, не стыдилась слез, когда с потомками коммунаров и продолжателями их святого дела пела революционный гимн трудящихся всех стран - Интернационал. Гордилась, что в этот момент и на русском языке звучат бессмертные слова Эжена Потье:

Вставай, проклятьем заклеянный,
 Весь мир голодных и рабов!
 Кипит наш разум возмущенный
 И в смертный бой вести готов.
 Весь мир насилья мы разрушим
 До основанья, а затем
 Мы наш, мы новый мир построим,
 Кто был ничем, тот станет всем.

Еще долго после окончания митинга французские коммунисты не расходились. Напротив Стены Коммунаров – могила легендарной личности Генерала Парижской Коммуны Валерия Врублевского. Рядом покоятся друг и соратник Карла Маркса выдающийся деятель международного коммунистического и рабочего движения Поль Лафарг и его жена Лаура Лафарг, дочь Карла Маркса. Недалеко похоронены руководители французской компартии Морис Торез, Жак Дюкло, Марсель Кашен. Было что вспомнить, о чем переговорить пришедшим сюда в этот знаменательный день. На столах молодые люди продавали значки с коммунистической символикой и спортивные майки с изображением на них Че Гевары и Ленина. И у меня еще долго в душе звучал Интернационал.

Вернулась в Монруж, где жила, переполненная впечатлениями, но поделиться не с кем. За 20 лет подруга моя изменилась до неузнаваемости. Мы стали чужими. Совсем не понимаем друг друга. У нас разные жизненные ценности. И смысл жизни мы понимаем по-разному. У нее обеспеченная жизнь. Страсть к дорогим безделушкам, квартира как музей. Сытое окружение. Подобострастие знакомых из России, готовых угождать, в надежде получить приглашение в Париж. Бесконечные поездки по странам, в Швейцарию, чтобы покататься на лыжах, в Италию, чтобы постоять у развалин Помпеи, в Грецию посмотреть знаменитый Акрополь... И мне она по приезде предложила отправиться в Бретань, там совершенно изумительной красоты природа...

А у меня были совсем другие интересы. Я пол дня искала улицу Мари-Роз, где в доме № 4 жил Ленин с 1909 по 1912гг. с женой Надеждой Крупской и ее матерью. В это время эта скромная квартирка была настоящим штабом русской революции, а потом французская компартия организовала в ней музей В.И. Ленина. С трудом я нашла эту улицу, и дом стоит на месте, а музея нет. Нет СССР, нет КПСС, партии, которая помогала в организации его работы. С горечью думала, если бы это была единственная утрата с крушением нашей страны...

Я долго стояла у стены этого дома, вспоминала, как в 1985 году хранитель музея А. Лежандр увлеченно показывал нам вещи и книги, которыми пользовался Владимир Ильич, рассказывал о деятельности Ленина в Париже, его работе в партийной школе в Лонжюмо. Я даже представила, как Ленин выходит из подъезда этого дома, садится на велосипед и отправляется на прогулку в красивейшее местечко Иль де Франс... Хотела связаться с редакцией газеты Юманите, узнать о судьбе Музея, но не получилось...

Оставаться в Париже во враждебной мне среде, где ни по одному вопросу не получалось взаимопонимания, стоило ли... Зачем оставаться в доме, где хозяйка за бокалом вина не говорила, а вещала? Она снисходительно открывала мне, приехавшей из далекой сибирской Тмутаракани, религиозные истины в интерпретации учителей "Белого братства". Она просвещала меня примерно так: "В нашем учении главное требование – постоянное совершенствование сознания". И, походя, спрашивала: "А ты знаешь, что такое сознание?" Спрашивала, зная, что ее собеседница всю жизнь занималась философией, где проблема сознания, начиная с древнейших времен до наших дней, занимает одно из ведущих мест. Хотя ее интерпретация сознания не выходит за средневековый уровень, а на дворе уже - XXI век, но попытка сказать ей об этом вызывала шквал возмущения. О необходимости быть толерантной, она, конечно же, уже не вспоминала...

Вот и пришлось мне вспомнить грибоедовского героя и воскликнуть: "Карету мне, карету, сюда я больше не ездук!" А так как теперь ни Аэрофлот, ни Аэрофранс в билетах даты вылета не меняют, пришлось купить новый билет, теперь уже через Милан, и проститься с Парижем. Видимо, навсегда.

2007г.